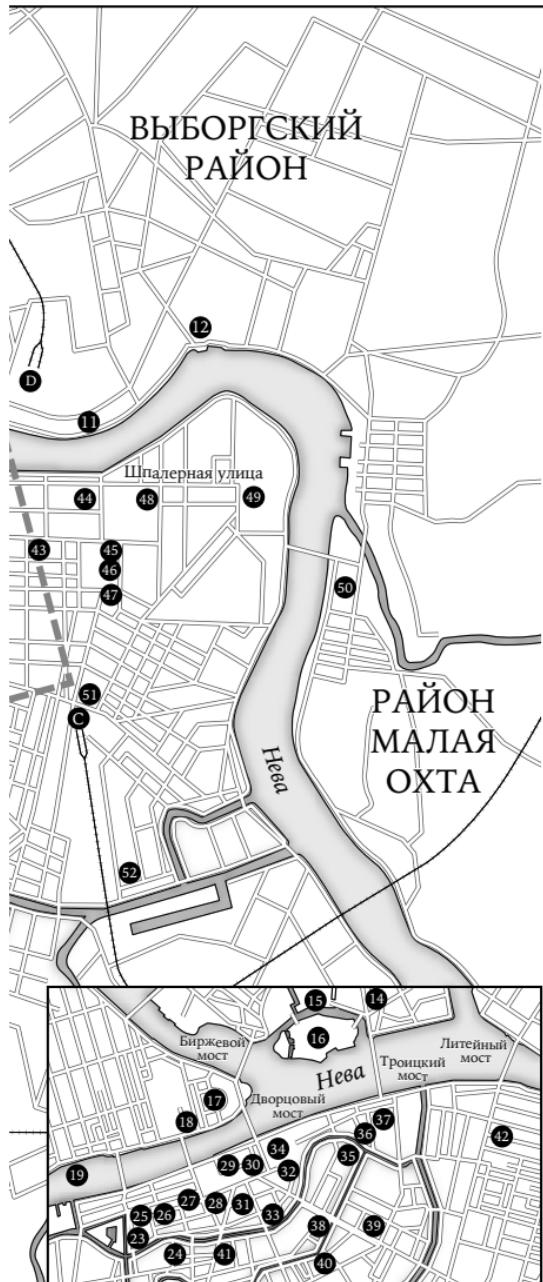

Оглавление

Введение	11
Глава 1 Предыстория событий 1917 года	17
Глава 2 Февраль: слезы радости	76
Глава 3 Март: «постольку-поскольку...»	121
Глава 4 Апрель: блудный сын	190
Глава 5 Май: вынужденное сотрудничество	223
Глава 6 Июнь: начало краха	248
Глава 7 Июль: жаркие дни	285
Глава 8 Август: подполье и заговор	332
Глава 9 Сентябрь: компромисс и недовольство	389
Глава 10 Красный Октябрь	418
Эпилог. После Октября	490
Список имен	515
Дополнительная литература	525
Благодарности	535
Предметно-именной указатель	537

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. ЧТО ДЕЛАТЬ?

ПЕТРОГРАД, 1917 г.

1. Завод «Русский Рено»
2. Завод «Новый Леснер»
3. Лейб-гвардии Московский пехотный полк
4. Место проведения VI съезда РСДРП(б)
5. Завод «Эриксон»
6. 1-й пулеметный полк
7. Лейб-гвардии Гренадерский полк
8. Штаб большевиков, Выборгский район
9. Типография «Труд»
10. Михайловская военная артиллерийская академия
11. Тюрьма «Кресты»
12. Завод «Металлист»
13. Цирк «Модерн»
14. Особняк Кшесинской
15. Арсенал, кронверк Петропавловской крепости
16. Петропавловская крепость
17. Биржа
18. Санкт-Петербургский университет
19. Крейсер «Андрея Первозванного»
20. Лейб-гвардии Финляндский полк
21. 180-й пехотный Виндавский полк
22. Франко-русский судостроительный завод
23. 2-й морской полк Балтийской дивизии
24. Кексгольмский пехотный полк
25. Центральный телеграф
26. Петроградское телеграфное агентство
27. Почтamt
28. Военное министерство
29. Адмиралтейство
30. Дворцовая площадь
31. Исаакиевский собор
32. Генеральный штаб
33. Петроградская телефонная станция
34. Зимний дворец
35. Редакция и типография газеты «Правда»
36. Лейб-гвардии Павловский полк
37. Марсово поле
38. Казанский собор
39. Городская дума
40. Государственный банк
41. Марининский дворец
42. Издательство «Прибой»
43. Лейб-гвардии Литовский полк
44. 14-й Донской казачий полк
45. Лейб-гвардии Преображенский полк
46. 6-й запасный саперный батальон
47. Лейб-гвардии Волынский полк
48. Таврический дворец
49. Смольный
50. 1-й запасный пехотный полк
51. Знаменская площадь
52. 1-й и 4-й Донские казачьи полки
53. Лейб-гвардии Семёновский полк
54. Петроградская электростанция
55. Лейб-гвардии Егерский полк
56. Лейб-гвардии Петроградский полк
57. Лейб-гвардии Измайловский полк
58. Морской канал
59. Путиловский завод
60. А. Балтийский вокзал
61. Варшавский вокзал
62. Николаевский вокзал
63. Финляндский вокзал

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ РОССИИ, 1917 г.

Введение

В разгар Первой мировой войны, когда растерзанная Европа истекала кровью, одно из американских издательств выпустило получившую широкую известность книгу Александра Корнилова «Современная российская история». Корнилов, либеральный ученый и общественный деятель, завершил свой труд в 1890 году, но специально для этого издания на английском языке, увидевшего свет в 1917 году, его переводчик, Александр Каун, актуализировал текст. Завершающий абзац книги в переводе Кауна начинается с грозного предостережения: «Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что существующий порядок вещей обречен на исчезновение».

И этот порядок действительно исчез — как и было предсказано. В этот бурный и не похожий ни на какие другие год Россия была потрясена и сокрушена даже не одним, а сразу двумя восстаниями, двумя хаотичными освободительными переворотами, дважды прошла через преображение. Первый переворот, в феврале, покончил с почти полутысячелетним самодержавным режимом. Второй, в октябре, имел гораздо более продолжительные последствия, противоречивые, крайне трагические и столь же вдохновляющие.

Месяцы с февраля по октябрь 1917 года были наполнены непрерывными столкновениями в борьбе за власть, история ускоряла свое движение. До сих пор не стихают споры, что же произошло тогда и как оценивать случившееся. Любая борьба за свободу уже давно рассматривается через призму Февральской и особенно Октябрьской революций.

Создавая произведение на историческую тему, принято ритуально отрекаться от мнимой «объективности», от отсутствия личной заинтересованности. Никто из авторов либо не стремится, либо не способен быть объективным и незаинтересованным. Я следую этой традиции. И я обязан честно предупредить: не будучи, надеюсь, догматиком и некритически мыслящим человеком, я открыто придерживаюсь своей позиции. В последующем изложении для меня есть злодеи и герои. Не пытаясь выглядеть беспристрастным, я стремлюсь быть честным — и рассчитываю, что мой рассказ окажется полезным для читателей с различными политическими симпатиями.

Существует много работ о русской революции, и многие из них прекрасны. Хотя моя книга основана на документальных материалах (в ней нет ни одного события или произнесенного слова, которые не были бы отражены в источниках), она не претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей или строгой научной. Скорее это краткое введение в тему для тех, кто интересуется увлекательными историческими сюжетами, кто жаждет оказаться во власти ритмов революции. Это

в точном смысле слова повествование об истории, как я хотел бы изложить ее. 1917 год — это эпос, переплетение рискованных приключений, надежд, предательств, невероятных совпадений, войн и интриг. Он соткан из мужества, трусости и глупости, из фарса, безрассудства и человеческих трагедий, из непомерных амбиций и эпохальных перемен, из ослепительного света, стали и теней, из дорог и поездов.

Кажется, в самой «русскости» России есть нечто одурманивающее. Вновь и вновь споры об истории страны (особенно между теми, кто не является русским по национальности, но иногда и между самими русскими) сворачивают к романтизированному эссеизму, взвиданию к несводимой ни к чему и неизъяснимой Русской Душе с непроницаемым «черным ящиком» в ее глубинах. Не просто уникально печальная, но и уникально непостижимая, ускользающая от любых объяснений многострадальная Россия, бедная Русь-матушка. Как пишет Вирджиния Вулф в своем фантастическом романе «Орландо», здесь «закаты медлят... не ошарашивает вас своей внезапностью рассвет, и фраза часто остается незавершенной из-за сомнений говорящего в том, как бы ее лучше закруглить»*.

Это не дело. В том, что в истории России есть особенности, вряд ли можно усомниться; то, что этими особенностями (хотя далеко не только ими) можно

* Пер. Е. Суриц.

объяснить русскую революцию, тоже верно. Отдавая должное этим особенностям, нельзя терять из виду главного: всемирно-исторических причин и ветвящихся последствий переворота, произошедшего в России.

Поэт Осип Мандельштам в стихотворении, известном под разными названиями, посвященном первой годовщине событий 1917 года, говорит о «сумерках свободы». Слово «сумерки», использованное поэтом, обычно означает предвестие ночи, но может значить и близость рассвета. В этой связи переводчик Борис Драгунский задавался вопросом: что Мандельштам предлагает восславить — «угасающий свет свободы или ее первый слабый проблеск»?

Пожалуй, мерцание на горизонте — это не медлящий закат и не ошаривающий своей внезапностью рассвет, но длящаяся, сущностная неопределенность. Нам всем знакомо такое сумеречное состояние, и мы еще будем погружаться в него. Такой странный и непонятный свет бывает не только в России.

Да, это русская революция, но она имела и имеет отношение не только к России. Она может быть нашей. И коль скоро ее фразы остаются незавершенными, от нас зависит, как лучше их договорить.

Замечание о датах

Для исследователя русской революции в буквальном смысле «порвалась дней связующая нить»*. До 1918 года в России использовался юлианский календарь, который отставал на 13 дней от современного григорианского. Поскольку действующие лица этой книги использовали именно юлианский календарь, пользуюсь им и я. В некоторых работах можно прочитать, что Зимний дворец был взят 7–8 ноября 1917 года. Однако те, кто его брал, делали это 25–26 октября по своему календарю, и именно слово «Октябрь» перестало быть просто названием месяца, превратившись в призыв. Поэтому, что бы ни утверждал григорианский календарь, эта книга — об Октябре.

* Пер. Б. Пастернака.

Глава 1

Предыстория событий 1917 года

Человек стоит на продуваемом ветром острове, глядя в небо. Он плотно сложен, силен и чрезвычайно высок, порывы майского ветра треплют на нем добротную одежду. Он не обращает внимания на плеск Невы, на кустарник и зелень прибрежной топи. На плече висит ружье, Человек с восторгом всматривается вдаль. Над ним парит огромный орел.

Петр Великий, всесильный правитель России, долгое время зачарованно наблюдает за орлом.

Наконец он резко поворачивается и вонзает во влажную землю штык. Проводит клинком сквозь грязь и корни, вырезая сначала одну, а затем вторую длинную полосу дерна. Он отрывает их от земли и перетаскивает, пачкаясь в грязи, на то место, над которым парит орел. Там он выкладывает из полос дерна крест и кричит во все горло: «Здесь будет город заложен!» Так в 1703 году на Заячьем острове неподалеку от Финского залива, на земле, отвоеванной у Шведской империи в великой Северной войне, царь повелевает построить большой город, названный в честь его святого покровителя Санкт-Петербургом.

И такого никогда не было. Петр там отсутствовал.

Эта история — стойкий миф о том, что Федор Достоевский назвал «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Хотя Петр и не присутствовал на месте основания Санкт-Петербурга в день закладки, городу предстояло быть построенным в соответствии с царской мечтой. Вопреки логике и здравому смыслу — на кишащем комарами берегу невского эстуария, подверженном наводнениям, весь год продуваемом штормовыми ветрами, а зимой сковываемом жестокими морозами.

Сначала царь руководит строительством Петропавловской крепости, которая полностью займет небольшой остров и будет готова отразить ответное нападение шведов, так никогда и не состоявшееся. Затем Петр распоряжается построить у стен крепости в соответствии с новейшими проектами большой порт. Тот станет его «окном в Европу».

Петр — визионер, и весьма жесткого толка. Модернизатор, он презирает ханжеское восхищение «славянской замшелостью» России. Древняя Москва — живописный хаотичный клубок улиц в псевдовизантийском стиле. Петр указывает, что новый город должен быть построен по рациональному проекту, с прямыми прешпектами, с изящными закруглениями грандиозного масштаба, широкими горизонтами, каналами, пересекающими проспекты города, с многочисленными величественными палладианскими дворцами, зданиями в сдержанном барочном стиле — это был решительный отход от традиций

и архитектуры куполов-луковок. По этому новому образу и подобию Петр Первый намерен перестроить всю Россию.

Он нанимает иностранных архитекторов, настаивает, чтобы строили из камня, велит внедрить европейские моды в одежде. Он в приказном порядке заселяет свой город, распорядившись о переезде купцов и дворян в зарождающуюся метрополию. Первые годы по недостроенным улицам Санкт-Петербурга по ночам рыщут волки.

Тяжкий принудительный труд прокладывает улицы, осушает болота, возводит колоннады на бывшей трясине. Десятки тысяч крепостных и каторжников согнаны под конвоем на земли, определенные Петром к застройке. Они закладывают фундаменты зданий в непролазной грязи и умирают в огромных количествах. Под поверхностью города остались лежать 100 тысяч трупов. Санкт-Петербург станет известен как «город, построенный на костях».

В 1712 году в качестве решительного шага против презираемого московского прошлого Петр делает Санкт-Петербург столицей России. В течение следующих двух столетий с небольшим именно здесь будут происходить наиболее важные политические события. Москва, Рига, Екатеринбург и все остальные города и обширные губернии Российской империи также будут играть заметную роль, и их историей нельзя пренебречь, однако именно Санкт-Петербург станет горнилом обеих революций. История 1917 года с ее долгим прологом — это прежде всего история его улиц.

* * *

Россия, где слились европейские и восточнославянские традиции, долгое время формировалась не так, как Западная Европа. Один из главных героев 1917 года, Лев Троцкий, писал: «В то время как западные варвары поселились на руинах римской культуры... славяне Востока не нашли никакого наследства на безотрадной равнине». На протяжении веков череда князей и царей торгуют и ведут войны с кочевниками восточных степей, с монголами и с Византией. В XVI веке царь Иван IV, вошедший в историю как Грозный, прорубив кровавый путь через территории на востоке и на севере, становится «царем всея Руси», правителем громадной и разнородной империи. Он связывает Московское государство властью безжалостного самодержавия. Несмотря на жестокие методы правления, здесь периодически вспыхивают бунты и мятежи — как всегда и повсюду. Некоторые (например, Пугачевское казацко-крестьянское восстание в XVIII веке) — вызов власти со стороны низов. Кровопролитные восстания столь же кроваво подавляются.

После того как Иван Грозный отходит к праотцам, начинается династическая свистопляска, которая продолжается до тех пор, пока бояре и православное духовенство не избирают в 1613 году на царство Михаила Романова, положив тем самым начало династии, правившей до 1917 года. В этом столетии статус мужика, русского крестьянина, жестко вписан в систему

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru